

Плей-лист

- Theory of a Deadman – “Bad Girlfriend”
- Linkin Park – “Bleed It Out”
- P!nk – “Blow Me (One Last Kiss)”
- Halsey – “Colors”
- All-American Rejects – “Dirty Little Secret”
- Atreyu – “Do You Know
Who You Are?”
- Bring Me the Horizon – “Happy Song”
- Tiffany – “I Think We’re Alone Now”
- Eminem – “Lose Yourself”
- Eminem – “Love the Way You Lie”
- White Zombie – “More Human
than Human”
- Staind – “Mudshovel”
- Avril Lavigne – “Sk8er Boi”
- Breaking Benjamin – “So Cold”
- Ghost – “Square Hammer”
- Garbage – “Stupid Girl”
- Bring Me the Horizon – “True Friends”
- Fort Minor – “Where’d You Go”
- Taylor Swift – “Wildest Dreams”

Глава Первая

Миша

Дорогой Миша!

Я когда-нибудь рассказывала тебе свой постыдный секрет?

Нет, я не смотрю «Дочки-матери». В отличие от тебя. И только попробуй сказать, что это не так. Я прекрасно знаю, что тебя не заставляют сидеть перед телевизором вместе с сестрой, чувак. Она уже достаточно взрослая, чтобы смотреть его в одиночку.

Нет, моя тайна гораздо страшнее, и я даже немного стесняюсь тебе о ней рассказывать. Но, думаю, отрицательным эмоциям тоже нужно давать выход. Могу я разок такое себе позволить?

Видишь ли, у нас в школе есть одна девочка. Такие есть в каждой школе. Чирлидерша, очень популярная, ей все легко дается... У нее есть все, чего только можно пожелать. Мне стыдно в этом признаться, тем более тебе, но когда-то, очень давно, я хотела оказаться на ее месте.

И в глубине души до сих пор хочу.

Ты бы ее возненавидел. У нее есть все качества, которые мы с тобой на дух не переносим.

Надменная, легкомысленная гадина. Из тех, что вообще ни о чем не думают, а если и думают, то не дольше пары минут, потому что мозг не выдерживает нагрузки, понимаешь? Несмотря на все это, я всегда ею восхищалась.

И не надо закатывать глаза (я знаю, ты именно так и сделал).

Просто... несмотря на все ее отвратные качества, она никогда не бывает одинока. Понимаешь?

Я ей в каком-то смысле даже завидую. Если начистоту, я правда сильно завидую этой ее способности.

Чувствовать себя одинокой дерьмово. Быть там, где полно людей, и ощущать, что они не рады твоему присутствию. Чувствовать себя незванным гостем. Когда никто даже имени твоего не знает и не хочет знать. Никому нет дела.

Когда не перестаешь задавать себе вопросы: «Они надо мной смеются? Обсуждают меня? Насмеются надо мной, будто их идеальный мир был бы гораздо прекраснее, если бы я не маячила перед глазами и не портила вид? Может, они все только и ждут, что я пойму намек и отправлюсь восвояси?».

У меня часто возникают такие мысли.

Я знаю, что это жалко — идти на поводу у общественного мнения. И еще я знаю, что ты скажешь: лучше быть одинокой, оставаясь собой, чем кого-то из себя строить ради того, чтобы вписаться в коллектив, хотя... Мне это на самом деле нужно, я все время так чувствую.

У тебя никогда не было такого ощущения?

Интересно, а у чирлидерши оно бывает? Когда музыка замолкает и все расходятся по домам? Когда день подходит к концу и рядом нет никого, чтобы ее развлечь? Может, когда вместе с макияжем она смывает дежурную улыбку, на свет выходят ее надежно спрятанные демоны, — чтобы поиграть с ней, потому что больше не с кем?

Думаю, нет. Нарциссам неведома неуверенность в себе, так ведь?

Как им удобно жить.

Телефон на приборной панели вибрирует, заставляя меня оторваться от письма Райен и прочитать входящее сообщение.

Проклятье. Я сильно опаздываю.

Ребята уже беспокоятся, куда это я запропастился, а я все еще в двадцати минутах езды от склада. Почему я не стал «невидимым» басистом, который никому неинтересен и на которого никто никогда не обращает внимания?

Я снова вчитываюсь в слова Райен, раз за разом прокручивая в голове последнее предложение. *Когда вместе с макияжем она смывает дежурную улыбку...*

Пару лет назад я впервые прочитал это письмо, и эта фраза меня поразила. С тех пор я перечитывал ее сотни раз. Как ей удалось так коротко и емко выразить мысль?

Вернувшись к письму, я дочитываю его до конца, прекрасно зная, что будет дальше. Мне нравится, как она ко мне относится и что она заставляет меня улыбаться.

Хотя что уж там... Я только что выпустила пар в «Фейсбуке» и теперь чувствую себя гораздо

лучше. Не знаю, когда я успела превратиться в такую идиотку, но рада, что ты готов с этим мириться.

Так что продолжим.

И дабы внести ясность в предмет нашего последнего спора, Кайло Рен* никакой не плакса. Ясно тебе? Он молод, импульсивен, да еще и родственник Энакина и Люка Скайуокеров**. Разумеется, он иногда жалуется на жизнь!

Что здесь удивительного? И он искупит свою вину, зуб даю. Можем поспорить. Только придумай, на что.

Ладно, мне пора. И да, отвечая на твой вопрос. Тот текст, что ты прислал мне в прошлый раз, — это просто здорово. Продолжай над ним работать. Не могу дождаться, когда прочитаю песню целиком.

Доброй ночи. Молодец. Спи крепко.
Наверное, я допишу тебе утром.

Райен.

Отсылка к «Принцессе-невесте» заставляет меня усмехнуться. Она уже семь лет заканчивает письма этой фразой. Первый год мы писали друг другу, потому что пятиклассников заставляли этим

* Кайло Рен (англ. Kylo Ren) — вымышленный персонаж фантастической саги «Звездные войны». Основной антагонист в седьмой и восьмой частях одноименного фильма, где его играет актер Адам Драйвер.

** Люк Скайуокер (англ. Luke Skywalker) — один из главных персонажей вселенной «Звездных войн», джедай, сын сенатора с Набу Падме Амидалы Наберри и рыцаря-джедая Энакина Скайуокера.

заниматься. Учеников и учениц из наших двух классов объединили в пары, и мы должны были переписываться.

Но когда учебный год закончился, мы не прекратили писать. И, несмотря на то что живем в каких-то жалких пятидесяти километрах друг от друга, а теперь еще и «Фейсбук» есть, мы продолжаем переписываться по старинке. В этом есть что-то особенное.

И я тоже не смотрю *«Дочки-матери»*. Это моя семнадцатилетняя сестра их смотрит, а я просто втянулся, да и то смотрел всего один раз. Не знаю, зачем я рассказал об этом Райен. Я же прекрасно знал, что нельзя давать ей повод надо мной угородать, черт возьми.

Я аккуратно складываю письмо. Черная бумага так протерлась на сгибах, что, наверное, порвется, если я разверну его, чтобы прочитать еще раз. За последние годы в наших письмах многое изменилось. Темы, которые мы обсуждаем, то, о чем спорим, почерк... От крупных, еще не оформившихся букв, выходявших из-под пера девочки, что едва научилась писать прописи, до уверенной, четкой руки молодой женщины, которая знает, кто она такая.

А вот бумага осталась неизменной, как и ее ручка с серебристыми чернилами. Замечая в горе писем на кухонном столе черный конверт, я всегда ощущаю приличный выброс адреналина.

Убрав письмо в бардачок, к остальным любимым письмам Райен, я беру ручку и заносу ее над лежащим на коленях блокнотом.

— А ну смелей, накрась глаза и губы, — шепчу я себе под нос, выводя на бумаге слова. — Заклей все трещины, замажь морщины.

Задумавшись, я останавливаюсь, закусываю нижнюю губу и играю зубами с пирсингом.

— Еще б расправиться с мешками под глазами, — бормочу я, прокручивая в голове текст, — и щеки нарумянить, чтобы врать и не краснеть.

Я быстро записываю слова, хотя в темноте машины мои каракули почти не видны.

И снова вздрагиваю от пиликанья телефона.

— Уговорили, — ворчу я, мечтая, чтобы сообщения перестали приходить.

Неужели ребята не могут и пяти минут без меня продержаться на собственной вечеринке?

Я снова заново над бумагой ручку, но останавливаюсь и напрягаю память. Что там, черт возьми, было дальше? *Еще б расправиться с мешками под глазами...*

Зажмурившись, я снова и снова повторяю в голове эту строчку, пытаюсь вспомнить продолжение.

А потом разочарованно вздыхаю. Черт, забыл. *Вот проклятье.*

Я надеваю на ручку колпачок и швыряю ее вместе с блокнотом на пассажирское сиденье своего «форда раптор».

А потом задумываюсь над ее последней фразой. *Придумать, на что поспорим, да?*

А как насчет телефонного разговора, Райен? Как насчет того, чтобы дать мне послушать твой голос?

Но нет. Райен нравится поддерживать статус-кво. В конце концов, у нас все хорошо. Зачем что-то менять, если для этого придется рискнуть дружбой?

Думаю, она права. Что если очарование писем испарится, как только я услышу ее голос?

Сейчас все мое представление о ней строится исключительно на ее словах. Стоит услышать, каким тоном она их произносит, и все непоправимо изменится.

Но что если голос мне понравится? Что если ее смех в трубке или дыхание зацепит меня так же сильно, как ее слова, или даже еще сильнее?

Ведь я уже просто одержим нашей перепиской. Именно поэтому я сижу в машине на пустой парковке и перечитываю старые письма одно за другим. В них я черпаю вдохновение для своих песен.

Она моя муза и, думаю, об этом знает. Я доверяю ей настолько, что присылаю свои тексты и прислушиваюсь к советам.

Телефон звонит снова. Я опускаю глаза и вижу на экране имя: Дейн.

Тяжело вздохнув, снимаю трубку.

— Чего тебе?

— Где ты?

— Еду.

Завожу машину и переключаю передачу.

— Нет, ты сидишь на какой-то парковке и пишешь песню, разве не так?

Я закатываю глаза, отключаюсь и бросаю телефон на пассажирское сиденье.

За рулем мне лучше думается. И не надо меня подгонять. Потому что я ничего не могу сделать, когда в голову приходит идея.

Выехав на улицу, я набираю скорость и направляюсь в сторону старого склада за городом. Наша группа проводит там что-то вроде квеста, чтобы поднять денег на летний тур. Я думал, что

нам достаточно всего-навсего дать пару концертов, может, объединившись с другими местными группами. Но Дейн говорит, что-то необычное поможет нам привлечь больше публики.

Поживем — увидим, прав ли он.

Февральский холод пробирает даже сквозь толстовку. Я включаю печку и зажигаю фары. Дальний свет разрезает ночную тьму.

Эта дорога ведет в Фэлконс Уэлл. Там живет Райен. Если я проеду склад и поворот к Бухте — заброшенному парку аттракционов — и двинусь дальше, то приеду в ее город. С тех пор как получил права, я не раз боролся с искушением туда поехать. От любопытства меня так и распирало, но я этого не сделал. Как я уже говорил, не стоит рисковать тем, что мы имеем. Если только она сама этого не захочет.

Я наклоняюсь к пассажирскому сиденью, отодвигаю блокнот и другие бумаги в поисках часов. Оставил их там вчера, когда собирался мыть машину. Это одна из немногих вещей, за которые я несу ответственность. Семейная реликвия или что-то типа того.

Нахожу их и, не отрывая рук от руля, застегиваю на запястье черный ремешок с циферблатом, обрамленным двумя железными скобами. Сначала эти часы принадлежали дедушке, потом он передал их отцу в качестве свадебного подарка, чтобы тот, в свою очередь, подарил их своему первенцу. Что отец и сделал в прошлом году. Тогда-то я и понял, что от дедушкиных часов остался только ремешок, а старинную часть с циферблатом отец потерял. Те самые антикварные

часы «Жежер-Лекультр»*, что хранились в нашей семье вот уже восемьдесят лет.

Я обязательно их найду. А пока не нашел, придется ходить с этим куском хлама на дедушкином ремешке.

Пристегнувшись, я перевожу глаза на дорогу и что-то замечаю. Подъехав ближе, вижу фигуру, бегущую по обочине, с хвостом светлых волос, в черной куртке и неоново-синих кроссовках. Ошибки быть не может. *Да вы надо мной издеваетесь!* Вашу ж мать.

Свет моих фар озаряет спину сестренки. Она резко оборачивается, замечая, что на этой дороге она не одна. Я делаю музыку потише.

Когда она понимает, что это я, ее лицо расслабляется, и она преспокойно бежит дальше, не снимая своих гребаных наушников. *Отлично ты заботишься о своей безопасности, Энни.*

Притормозив, я опускаю окно со стороны пассажирского сиденья и подъезжаю к ней.

— Знаешь, как ты выглядишь? — Исполненный злости, я наклоняюсь к окну, крепко сжимая ладонью руль. — Как приманка для серийного убийцы!

Беззвучно рассмеявшись, она качает головой и ускоряется, заставляя меня сделать то же самое.

— А ты не думал о том, где мы сейчас? — заявляет она. — На дороге из Тандер-Бей в Фэлконс

* *Jaeger-LeCoultre* (рус. «Жежер-Лекультр») — производитель швейцарских часов класса люкс. На счету компании также тысячи изобретений, включая самый миниатюрный механизм.

Уэлл. На ней никогда никого нет. Я в порядке. — Она поднимает брови. — А ты разговариваешь со мной точно так же, как папа.

Я брезгливо морщусь.

— Во-первых, как минимум на этой дороге есть я, так что она уже не пустая. Во-вторых, не надо упрекать меня в излишней предосторожности только потому, что ты единственная глупышка, которая додумалась устроить пробежку посреди ночи у черта на куличиках, а я не хочу, чтобы тебя изнасиловали и убили. И, в-третьих, твое замечание неуместно. Я не веду себя как отец, так что не надо больше бросаться такими фразами в мой адрес. Это неприятно. — Затем я кричу: — А теперь залезай в чертову машину.

Она снова отрицательно качает головой. Энни любит дразнить меня. Прямо как Райен.

Энни — моя единственная сестра, а братьев у нас нет. И если не брат в расчет мои далеко не блестящие отношения с отцом, мы с ней неплохо ладим.

Тяжело дыша, она бежит дальше, и я обращаю внимание, что у нее впалые щеки и появились мешки под глазами. Желание продолжить читать морали никуда не исчезло, но я принимаю решение его попридержать. Она так много трудится и едва успевает спать.

— Давай-давай, — говорю я ей с растущим нетерпением. — Серьезно, у меня нет на это времени.

— А что ты здесь делаешь?

Я бросаю взгляд на дорогу, чтобы убедиться, что все еще с нее не съехал.

— Сегодня ночью этот дурацкий квест. Мне надо там появиться. А вот ты почему не в парке, на хорошо освещенной дорожке, в поле зрения еще пары десятков таких же бегунов? А?

— Перестань со мной нянчиться.

— Тогда ты перестань делать глупости, — парирую я.

Нет, ну правда, чем она вообще думала? Здесь и днем-то опасно находиться в одиночку, а ночью — тем более.

Я на год старше нее и в мае оканчиваю школу, но она гораздо ответственнее меня.

Эта мысль напоминает мне еще кое о чем.

— Эй, — недовольно начинаю я, — это не ты случайно выгащила утром шестьдесят долларов из моего бумажника?

Я заметил, что этой суммы не хватает, а ведь я только вчера получил деньги. И я их не тратил. В третий раз наличка из бумажника исчезает в неизвестном направлении.

Она делает глаза как у кота из «Шрека». Знает же, как это на меня действует.

— Мне нужно было закупиться материалами для лабораторной, а ты все равно их не тратишь. Не пропадать же им зря.

Я закатываю глаза.

Она прекрасно знает, что может просто попросить папу дать побольше денег. Энни — его ангел, он даст ей все, что она пожелает.

Но как я могу злиться на нее? Она счастливый ребенок, сходит с ума, делает глупости. И, полагаю, единственное, что я могу сделать, чтобы она стала чуточку счастливее, — это не мешать.

Она улыбается, видимо, заметив, что я смягчился, хватается за раму окна и запрыгивает на подножку у двери.

— Эй, а можешь взять мне газировки? — спрашивает Энни. — *Холодной, как лед*, газировки по пути обратно домой? Мы оба знаем, что ты там не задержишься дольше пяти минут. Ведь чтобы найти горячую штучку, которая отобьет у тебя желание социализироваться, больше и не нужно, да?

Я усмехаюсь про себя. Вот дуреха.

— Ладно, — киваю я. — Полезай в машину, доедем с тобой до заправки. Что скажешь?

— И карамельки, — добавляет она, игнорируя мое предложение. — И еще что-нибудь пожевать.

А потом она спрыгивает с подножки и устремляется вниз по улице.

— Энни! — Я нажимаю на газ и догоняю ее. — В машину. Сейчас же.

Она смотрит на меня и хихикает.

— Миша, моя машина в двух шагах от нас! — Она показывает вперед. — Сам посмотри.

Внимательно взглядевшись в темную дорогу, я вижу, что она говорит правду. Справа на обочине припаркован синий «миникупер».

— Увидимся дома, — говорит Энни.

— То есть ты закончила пробежку?

— Да-а-а. — Она драматично и явно преувеличенно кивает. — Увидимся, когда придешь домой, хорошо? И не забудь про конфеты и газировку.

Я насмешливо улыбаюсь в ответ.

— Я бы рад, но у меня совсем не осталось денег.

— У тебя остались деньги на приборной панели, — бросает в ответ Энни. — Не надо делать вид,